

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 116–127.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2025; 4 (89):116–127.

Научная статья

УДК 821.161.1-3.09"19"

DOI 10.37724/RSU.2025.89.4.012

Проблемы межэтнической коммуникации в произведениях Фёдора Чудакова о китайском Сахалияне

Александр Васильевич Урманов

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

a.v.urmanov@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются как некое идейно-эстетическое единство созданные в начале 1910-х годов и обращенные к теме российско-китайских бытовых контактов стихотворные произведения одного из самых ярких российских сатириков Серебряного века Ф. Чудакова, почти столетие находившего в полном забвении. Юморески «К чумной опасности» (1911) и «За границей» (1912) рассматриваются в соотношении с социально-политическими процессами, происходившими в это время в Китае, а также на фоне других произведений сатирика, в которых описываются ситуации, где представители двух соседних народов не могут установить между собой полноценную коммуникацию и достичь полного взаимопонимания. Изучение произведений Чудакова о китайском городе Сахалияне попутно позволяет внести ясность в вопрос о том, посещал ли правый, китайский берег автор, с 1909 по 1917 год находившийся под гласным надзором полиции. Однако главное — рассмотрение произведений в аспекте проблемы межэтнической коммуникации — позволяет выявить их идейно-концептуальную доминанту. Анализ художественно отраженных в стихах Чудакова моделей коммуникативных отношений русских и китайцев помогает выявить причины недоразумений и диссонансов, возникающих при общении народов двух соседних стран.

Ключевые слова: межэтническая коммуникация, модели коммуникации, стихотворение «За границей», тема Китая, Ф. Чудаков.

Для цитирования: Урманов А. В. Проблемы межэтнической коммуникации в произведениях Фёдора Чудакова о китайском Сахалияне // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2025. № 4 (89). С. 116–127. DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.012.

Original article

Problems of interethnic communication in Fyodor Chudakov's works about Chinese Sakhalyan

Alexander Vasilyevich Urmanov

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

a.v.urmanov@gmail.com

Abstract. We study the poetic works of F. Chudakov as an ideological and aesthetic unity. He was one of the most vivid Russian satirists of the Silver Age, producing his work in the early 1910s and addressing the theme of Russian-Chinese contacts, which had been undeservedly neglected for nearly a century. We consider Chudakov's humoresques *On the plague hazard* (1911) and *Abroad* (1912) in correlation with the socio-political processes taking place at that time in China, as well as against the background of other works of the satirist, which depict situations where representatives of two neighboring peoples cannot establish successful communication or reach complete mutual understanding. The study of Chudakov's works about the Chinese town of Sakhalyan allows us to clarify the question of whether the author, who from 1909 to 1917 was under public

police surveillance, and whether he visited the right bank of the river Amur (Chinese). But most importantly, we consider his works in the light of interethnic communication, which allows us to reveal their ideological and conceptual dominance. Analysis of the models of communicative relations between Russians and Chinese artistically reflected in Chudakov's poems helps to highlight the causes of misunderstandings and dissonances arising in communication between the peoples of two neighboring countries.

Keywords: communication models, F. Chudakov, interethnic communication, *Abroad* poem, Chinese theme.

For citation: Urmanov A. V. Problems of interethnic communication in Fyodor Chudakov's works about Chinese Sakhalyan. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2025; 4 (89):116–127. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2025.89.4.012.

Введение

Талантливый лирик, сатирик, прозаик, драматург, публицист Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918), печатавшийся за подписями Амурец, Босьяк, Гуслияр, Кузьма Резниченко, Эс-эр, Язва и т. д. (всего около 50 установленных автором статьи псевдонимов) в амурской периодике начала XX столетия, лишь сравнительно недавно был возвращен в современное культурное пространство. По мнению М. М. Голубкова, почти век находившийся в полном забвении автор «по уровню своих творческих возможностей... вполне сопоставим с самыми яркими художниками XX века» [Голубков, 2025, с. 16], а его творческое наследие «выходит далеко за рамки региональной (дальневосточной) литературы и вписывается в богатейший литературный контекст русского Серебряного века» [Голубков, 2025, с. 15]. Это обязывает современное литературоведение уделять более пристальное внимание заново «открытым» произведениям Амурца, в которых отразились важные эстетические и проблемно-тематические особенности литературного процесса начала XX века.

За сравнительно короткий творческий путь (1908–1918) Амурец опубликовал несколько сотен одних только стихотворных произведений сатирической направленности, примерно половина из которых — 372 текста — включены автором данной статьи в двухтомное собрание его сочинений, вышедшее спустя век после гибели писателя [Чудаков, 2019а, с. 31–398].

Актуальность обращения к произведениям Ф. Чудакова определяется уже самим фактом участия в развернувшемся в настоящее время масштабном процессе возвращения в национальное культурное пространство и современный научный дискурс незаслуженно забытых художественных явлений, а также постепенного их внедрения в вузовское и школьное преподавание [Лаптева, 2024], что помогает устранить белые пятна в истории литературы Серебряного века и получить более объемное представление о подлинном богатстве и многообразии национальной художественной культуры.

Кроме того, актуальность предопределена обращением к проблематике межкультурного диалога народов России и Китая. Произведения Ф. Чудакова начала 1910-х годов о китайском городе Сахаляне, о попытках выведенных в них персонажей-русских и персонажей-китайцев установить между собою диалог актуализируют очень важные в современных условиях вопросы, связанные с необходимостью развития и углубления взаимопонимания народов двух соседних стран — России и Китая.

В статье рассматриваются как некое художественно-смысловое единство стихотворные тексты Амурца начала 1910-х годов, концептуальным ядром которых становится проблема межэтнической коммуникации. Произведения Ф. Чудакова впервые исследуются с точки зрения теории коммуникации, что направлено на выявление как доминирующих, так и фактически отсутствующих во взаимоотношениях между персонажами-русскими и персонажами-китайцами типов коммуникации и, соответственно, на постижение причин отсутствия полноценного диалога и должного взаимопонимания у двух граничащих друг с другом этносов. Наконец, предпринимается, тоже впервые, попытка установить, бывал ли автор в Китае, посещал ли он Сахалян, фигурирующий в ряде его произведений. Решение этой вспомогательной задачи помогает понять, являются ли воспроизводимые в юморесках «К чумной опасности» и «За границей» коммуникативные ситуации плодом творческой фантазии автора или же они отражают то, что он видел собственными глазами на правом, китайском берегу Амура.

Основная часть

Среди множества произведений Ф. Чудакова разных жанров, включенных в упомянутый двухтомник, насчитывается несколько десятков, тематически связанных с Китаем. В основном это фельетоны и сатирические стихи, являющиеся откликом на события политической жизни страны, чаще всего — на Синьхайскую революцию, в 1911–1913 годах разворачивавшуюся преимущественно в центральных и южных районах Поднебесной. Одно из наиболее ярких произведений этого ряда — фельетон «Накипь дня (Волей тронной антрепризы...)» (1912), в котором с опорой на принцип «театрализации» и соответствующие ему художественные средства [Лю Ин, 2018, с. 97] изображен Юань Шикай — видный китайский военный лидер и политический деятель эпохи заката династии Цин. В нескольких произведениях Амурца о Китае периода Синьхайской революции в фокус изображения попадает Маньчжурия, северо-восточная часть Поднебесной, граничащая с Амурской областью. Одно из них — трехчастный фельетон в традиционной авторской рубрике «Накипь дня», опубликованный 22 февраля (6 марта) 1912 года в газете умеренно-демократического направления «Эхо». В первой его части показаны улицы хорошо известного всем благовещенцам китайского города:

Сахалян. По старой моде,
Что всех мод земных старей,
Третий день справляют «ходи»
Шумный «праздник фонарей»
[Чудаков, 2019а, с. 170].

Небольшая справка: *Сахалян* — прежнее, маньчжурское название города Хэйхэ, расположенного напротив Благовещенска, на правом берегу Амура. *Ходя* (разг., устар., искаженная форма китайского слова *хоуди* 伙计 — напарник, друг, товарищ, брат) — в речевой практике рубежа XIX–XX веков несколько пренебрежительное или ироничное наименование китайца или обращение к нему (реже — зеркальное обращение китайца к русскому) [Чжай Ли, 2024, с. 113]. *Праздник фонарей* — древнейший по происхождению праздник, отмечаемый в Китае в пятнадцатый день первого месяца по лунному календарю и знаменующий окончание праздника Весны или традиционного Нового года. В 1912-м этот праздник пришелся на 19 февраля (3 марта по новому стилю). Новый стиль, как известно, в России был введен большевиками с февраля 1918 года, но многие дореволюционные газеты, в том числе и «Эхо», датировались не только по старому, Юлианскому календарю, но и по новому, Григорианскому.

Следующие десять строк — подобие репортажа, описывающего этот праздник:

Стонут стогны Сахаляна,
Запружённые толпой...
Силпый рокот барабана,
Разных дудок визг и вой,
Хохот, ржанье, топот, крики,
Пляска, ругань, плач детей, —
Нарумяненные лики
И улыбки до ушей,
Скачка, прыганье с разбега,
Удалые голоса...
[Чудаков, 2019а, с. 170–171]

С помощью выразительных деталей автору удалось нарисовать яркую картину народного гулянья: передать веселое настроение участников этого действия, обратить внимание на выражение и раскраску их лиц (*нарумяненные лики, улыбки до ушей*), на характер издаваемых ими звуков (*хохот, ржанье, удалые голоса*).

Картина настолько живописна и рельефна, что невольно возникает ощущение: нарисована она тем, кто собственными глазами видел массовое народное празднество на другом берегу Амура. Не лишним будет отметить, что техника подобной визуализации свойственна и прозаическим произведениям Чудакова [Лаптева, 2022]. Но если это зарисовка с натуры, то как, каким образом такое стало возможным, поскольку автор не имел права находиться в Китае? Или у него все же была такая возможность?

До недавнего времени приходилось лишь гадать, бывал ли Ф. Чудаков на противоположном берегу Амура, посещал ли он китайские населенные пункты. На законных основаниях пересекать границу, покидать пределы не только Российской империи, но даже Амурской области он не мог. Причина известна: летом 1908 года Чудаков, отбывавший трехлетнюю ссылку в Енисейской губернии, совершил дерзкий побег и в начале октября с поддельным паспортом обосновался в административном центре Амурской области. Через три месяца, 2 января 1909-го, он был арестован жандармами и на полгода отправлен «на горку» — в местную тюрьму.

Спустя девять лет в автобиографическом очерке «Арестант» Ф. Чудаков с большим юмором рассказал об этих событиях. Он поведал и о том, что уже после крушения самодержавия, в марте 1917 года, при разборе архива местного жандармского управления была обнаружена «карточка разыскиваемого», которую составил на него в январе 1909 года жандармский ротмистр Перков [Эс-эр, 1918, № 4, с. 4]. Карточка, хранящаяся ныне в фондах Государственного архива Амурской области, содержит сведения о том, что Чудаков «привлекался по 128 и 129 статьям уголовного уложения в 1906 г.», о побеге «с места ссылки», ставшем причиной ареста (Карточка разыскиваемого, л. 3 об.). Подробно, с опорой на архивные документы, автобиографические произведения Чудакова и амурскую периодику начала XX века история шестимесячного тюремного заключения сатирика рассматривается в одной из наших статей [Урманов, 2023]

Еще более продолжительные последствия побега из сибирской ссылки — ограничения в правах: с 1909-го и вплоть до марта 1917-го Ф. Чудаков находился под гласным надзором полиции и не мог покидать Приамурье. Самое горькое для него следствие побега — невозможность побывать на родине, в Чембаре, где жили его родители, родственники, друзья. Об этом можно судить по многим вошедшим в двухтомник пронзительно ностальгическим произведениям: «Степная сказка» (1909), «Плен» (1911), «Мой роман» (1911), «Сны» (1913), «Для девушки, грустящей обо мне...» (1913) и т. д.

Лишь после Февральской революции сатирик, до того восемь с половиной лет безвыездно проживший в Приамурье под гласным надзором полиции (всего же с момента ареста он одиннадцать лет не видел родных мест), лишенный права покидать его пределы, получил возможность побывать на родине — в Чембаре Пензенской губернии. Об этом, в частности, свидетельствует короткая заметка в газете, ведущим сотрудником и секретарем редакции которой он был: «Фёд. Ив. Чудаков благодарит всех товарищей и знакомых за теплоту и ласку, проявленную ими при провах его на родину...» (Амурское эхо. Приб. к № 626. 1917, 13 (26) апреля. С. 2).

О начальном этапе долгожданной поездки в родные края Ф. Чудаков повествует в очерке «Навстречу весне» (1917), обнаруженном нами уже после выхода двухтомника. Нежданно открывшаяся возможность вернуться на родину превращает обычно весьма сдержанного и ироничного автобиографического персонажа в человека, которого буквально захлестывают эмоции, который воспринимает происходящее с ним как чудесный сон: «Слава Богу, все это явь! / Одиннадцать лет! / Целая полоса жизни! Целая эпоха! / А дай-ка, все-таки, протру глаза. / ...Прощай, Благовещенск! Прощай, Амур...» [Чудаков, 1917, № 29, с. 3]. Одиннадцатилетняя вынужденная разлука с Чембаром действовала на писателя настолько угнетающе, что он в апреле 1917-го хотел навсегда покинуть Амур, в чем и признался в очерке «Навстречу весне».

Вернемся в начало 1910-х годов. Поездка в соседний Китай, где можно было затеряться, откуда легко перебраться в другие страны, для «политического» поднадзорного, уже совершавшего побег, была под запретом. Впрочем, сложности при пересечении границы с Китаем были не только у поднадзорных. О больших трудностях, возникавших у жителей Благовещенска, желавших побывать в соседнем Сахалине, рассказывает, например, известный российский писатель Серебряного века Александр Вережников (1876–1920), детство, юность и молодость которого прошли в Приамурье. О своем визите в город на противоположном берегу Амура он рассказал в очерке «В Амурском крае» (1909): «Сюда попасть русским подданным очень трудно: для этого нужно брать билет из полицейского управления. Пронести с собой ничего нельзя: на границе тщательно обыскивают» [Вережников, 1909, с. 119].

В рассказе «На хариусов», опубликованном в 3–5 номерах журнала «Дятел, беспартийный» уже после Октябрьской революции, в январе — феврале 1918-го [Чудаков, 2019б, с. 220–230], Гусляр с юмором поведал о том, как с двумя товарищами тайком от пограничной стражи переправился на лодке через Амур и ловил рыбу в небольшой китайской речушке. Этот весьма рискованный

рыбацкий «десант» на правый берег был нелегальным, а потому его маршрут не мог пролегать через какое-либо китайское поселение, в котором имелись представители властей.

А были ли у сатирика легальные поездки в Китай? Поиски ответа на этот вопрос долгое время не давали результата, и лишь в сентябре 2024 года удалось найти свидетельство (пусть и не документальное, а художественное) посещения Чудаковым Сахаляна — произведение «За границей», опубликованное в благовещенской газете «Эхо» спустя семь месяцев после «Накипи дня» — 16 (29) сентября 1912 года.

Судя по содержанию, данное посещение не было для Ф. Чудакова первым. Это можно утверждать по реплике автобиографического персонажа, отвечающего на шутивно-провокационный вопрос Виктора Алексеича, одного из спутников: «В Сахаляне каталажка существует, несомненно?» Если второй попутчик автора, Иван Михалыч, не может ни подтвердить, ни опровергнуть вопрос-утверждение товарища, ибо сам не попадал в каталажку на правом берегу («Как сказать? Не приходилось»), то ответ «лирического субъекта» наводит на мысль, что он там уже побывал: «Я стыдливо улыбнулся и сказал: “Немножко есть!”».

Возникает предположение, что Ф. Чудаков до поездки, описанной в стихотворении «За границей», уже, видимо, был в Сахаляне, да еще и попал там в «каталажку». В толковых словарях этим словом, имеющим пометки *жарг.*, *разг.*, *устар.*, *пренебр.*, *шутл.*, принято обозначать помещение для арестантов, камеру предварительного заключения или просто тюремную камеру, а также небольшую тюрьму. Однако «стыдливая» улыбка автора (сигнализирующая, что ничего особо героического в этом факте своей биографии он не усматривает), а также то обстоятельство, что с каталажкой он соприкоснулся лишь «немножко», позволяют предположить, что Амурец, если он и был прежде на китайском берегу, скорее всего, попал там не в обычную тюремную камеру, а в какую-то особую, не очень строгую.

Что бы это могло быть? Один из возможных ответов содержит стихотворная зарисовка «К чумной опасности», входящая в состав первой из серии сплотов под общим названием «Вешний снег» и за подписью Гусяр. «Вешний снег» — юмористически-сатирическая «смесь», имеющая определенную композиционную структуру синкретическая жанровая форма (и одновременно название авторской рубрики), к которой Чудаков обращался в ранний период творчества — в начале 1910-х годов. В «Вешнем снеге» он соединял в определенной последовательности остроты («шпильки»), анекдоты, юморески, ироническую хронику и короткие фельетоны, отражающие злобу дня, разные грани повседневной общероссийской и амурской действительности.

Сплотка, о которой идет речь, была напечатана в «Эхе» 20 марта (2 апреля) 1911 года, то есть за одиннадцать месяцев до «Накипи дня». «К чумной опасности» — это отклик на вспышку чумы в Китае и карантинные меры, предпринимаемые китайскими властями. Судя по газетной хронике, те русские, которые в феврале — марте 1911 года оказались в силу разных обстоятельств на правом берегу Амура, из-за введенного карантина какое-то время, до отправки их на русский берег, содержались в специальных изолированных помещениях — так называемых обсервациях. Приведем одну из газетных заметок той поры, в которой содержится информация о подобном случае: «**В обсервацию.** 27 февраля вечером из Сахаляна по предложению китайской полиции... <...> ...выселились 18 человек русских. Все они явились на пропускной пункт и помещены в обсервационное помещение» (Местная хроника // Эхо. 1911, 1 (14) марта. № 699. С. 3).

Мог ли в такой обсервации оказаться Ф. Чудаков? Мог, если бы он находился в это время в Сахаляне. Если, предположим, он переправился туда без получения соответствующего разрешения полиции, то афишировать в газетных публикациях свое пребывание на правом берегу сатирик вряд ли стал бы. Может, по этой причине в сцене, описанной в юмореске «К чумной опасности», среди обитателей карантинной обсервации нет автобиографического персонажа. Зато два других описаны так, словно автор находился рядом, наблюдал за ними, запоминал используемые ими языковые перлы. Кстати, начиная именно с 1911 года, то есть со времени первого предположительного посещения Сахаляна и (тоже предположительного) пребывания в чумной обсервации, Чудаков стал активно использовать слова и выражения, характерные для русско-китайского пиджина начала XX века. Именно в этот период они становятся важным средством иронической характеристики русских и китайцев, пытающихся вести между собой диалог. Основная его цель, как ни странно, заключалась не столько в обмене информацией, достижении взаимопонимания, сколько в выражении иронического отношения к представителям «чужого» этноса. В произведе-

ниях Гусляра это характерно прежде всего для персонажей-русских, старающихся слегка уязвить своих китайских визави, посмеяться над ними. Если они и не подсмеиваются, то все равно стремятся нейтральное или даже сочувственное высказывание, обращенное к китайцу, «упаковать» в шутивную речевую форму и такую же тональность. Общаться с «ходящими» серьезно, без иронии, без явной или полускрытой насмешки, видимо, не было принято в речевой практике жителей Приамурья начала XX века. По крайней мере, литературные произведения амурских авторов той поры не показали такого типа общения русских с маньчжурами.

В насмешливо-ироничном ключе строится «коммуникация» персонажей и в юмореске «К чумной опасности». Участниками рисуемой автором сценки являются оказавшиеся в замкнутом пространстве карантинной обсервации «китаец Ку-Шай-Мох» и русский «спиртонос Трѣхбашенный». Оба — фигуры в некоторой степени условные, о чем свидетельствуют искусственно сконструированные автором имена. Что касается коммуникативного «диалога», который они ведут, то в нем преобладает именно юмористика, а не что-то иное. Юмористическая тональность, которая задается и этими анекдотичными именами, и насмешливым авторским комментарием по поводу синяка на лице спиртоноса, и коверканьем китайских слов, и ироническим настроением русского по отношению к китайцу — все это заслоняет и драматизм ситуации, в которой оказались оба, и общность их переживаний. Попытку задать разговору серьезную, адекватную ситуации тональность предпринимает ходя:

Попавший в обсервацию
Китаец Ку-Шай-Мох
Клянет цивилизацию
И сахалинских блох.

[Чудаков, 2019а, с. 102]

Однако его сосед, тоже страдающий от насекомых, ни тональность разговора, ни его тему не поддерживает. Русский контрабандист блох и неудобств, связанных с изоляцией, словно не замечает. К своему незавидному положению он относится стоически: не только не плачет и не бранится, как его китайский товарищ по карантину, но и, напротив, шутивно подбадривает того:

А спиртонос Трѣхбашенный
Под рваным армяком
Давно лежит, украшенный
Огромным синяком.
(По службе ли, по рангу ли
Дают подобный знак?)
«Что, ходя, мою фангули?
Шанго валяться так?»

[Чудаков, 2019а, с. 102]

Поясним значение искаженных китайских слов: *мою* — нет, *фангули* — конец, капут, *шанго* — очень хорошо. Очевидно, ради этой реплики, способной вызвать у читателя улыбку, и написана данная юмореска. Если не брать в расчет внешнюю комичность ситуации и применяемых речевых форм, а обратить внимание на содержательный посыл, на то, что пытается донести до китайца русский, то этот посыл в самом общем виде, без нюансов, может быть «переведен» так: «Держись, брат, не унывай, все будет хорошо!». Однако для выражения содержательно позитивного «послания» русский обитатель обсервации избирает не сочувственно-доброжелательный, а ернический тон, да еще и сопровождает свое «коммуникативное послание» *ржаньем*:

Трѣхбашенный прищурился,
Проржавши: «О-го-го!»
А Ку-Шай-Мох нахмурился
И молвил: «Пу-шанго!»

[Чудаков, 2019а, с. 102]

Пу-шанго (искаж. кит.) — плохо, нехорошо. К чему относится эта итоговая констатация, сформулированная персонажем-китайцем? Явно, что не к общему смыслу высказывания его соседа, а к тональности речи, сопровождающей ее мимике (*прищурился*), демонстрации спиртно-носом своего насмешливого отношения к ходу. К тому факту, что русский контрабандист демонстративно выстраивает между собой и ним непреодолимую эмоциональную дистанцию, показывает нежелание признавать в китайце не объект насмешки, а товарища по несчастью, человека, с которым можно установить добрые отношения.

В результате полноценный диалог между персонажами не состоялся, общий язык не был найден, коммуникация не сблизила русского с китайцем.

Как известно, существуют три основные модели коммуникации [Гавра, 2005]. Первая — линейная (модель передачи информации), суть которой — асимметричный, односторонний информационный поток, направленный от одного участника коммуникации к другому, являющемуся лишь объектом воздействия. Вторая — интерактивная (модель взаимодействия), основанная на симметрии, на двустороннем, попеременном обмене информацией участниками коммуникации. Третья, самая сложная и наиболее продуктивная модель, — транзакционная (транзакционная), представляющая собой межличностное общение как «процесс непрерывных изменений и преобразований» [Там же, с. 121], направленный на совместное одновременное порождение новых смыслов. Вступая в транзакционное коммуникативное взаимодействие, «коммуниканты производят социальную действительность в рамках социального, реляционного и культурного контекстов, встроенных в данную действительность так, чтобы также создавать и изменять ее» [Долженков, 2016, с. 120]. Основные отличия транзакционной модели от интерактивной — одновременность процесса взаимодействия сторон, концептуализация коммуникации, а также определяющее влияние на нее контекста [Dean, 1970].

В юмореске «К чумной опасности» предстает простейшая модель коммуникации — модель передачи информации. Основная функция такого рода коммуникативной связи не рассчитана на установление взаимодействия участников «диалога». Ее предназначение — использование как вербальных, так и невербальных форм ради донесения до собеседника того или иного коммуникационного посыла. Для подобной разновидности непересекающегося «диалога» характерна однонаправленность коммуникационного действия, даже если обмен информацией идет между двумя участниками.

Вернемся к стихотворению «За границей», в котором рассказывается о поездке в Сахалин. В нем на первый план тоже выходят проблемы межэтнической, межкультурной коммуникации, но на этот раз речь идет о безуспешных попытках русских найти общий язык с китайцами.

В газете «Эхо» произведение было напечатано (в большей степени ради экономии газетной площади), как прозаический текст — без разбивки на поэтические строки и строфы. «За границей» — не единственный пример произведений Ф. Чудакова подобного рода. Таким образом были напечатаны, например, стихотворения «Лирический баритон» [Чудаков, 2019а, с. 488] и «Осенняя соната» [Там же, с. 536–538].

Похоже, посещение Ф. Чудаковым Сахалина в сентябре 1912 года и предшествующий «визит» на правый берег Амура (если таковой был) стали возможны потому, что в это время в Китае разворачивалась Синьхайская революция, сокрушившая монархическую династию Цин и приведшая к созданию нового государственного устройства — Республики Китай. Естественно, что ломка прежнего имперско-бюрократического уклада жизни оборачивалась дезорганизацией управления, в том числе ослаблением пограничного режима.

Стремление Ф. Чудакова побывать в Поднебесной понятно: «Крах имперской власти в Китае он соотносил с социально-историческими процессами в России, обнаруживая сходство в устройстве двух соседних государственных систем» [Лю Ин, 2023, с. 8]. События Синьхайской революции, в которой Амурец усматривал прообраз будущих социальных преобразований в России, тогда были в центре его внимания. В 1911–1912 годах поэт посвятил им более десятка стихотворных произведений: «Иностранное обозрение», «В свежем воздухе сверкает...», «Баллада недалекого будущего», «Благовещенск, сегодня», «Браво! Реет ангел мира...», «Радикальное средство», «Волей тронной антрепризы...», «Из теории словесности», «Бывший», «И вот пришел городской...», «Пришли. Постояли. Присели...» [Чудаков, 2019а, с. 127–128, 128–129, 130–131, 136, 138, 140, 157–158, 164–165, 166, 166–167, 169–170] и т. д.

Острое желание своими собственными глазами увидеть преобразенный революцией Китай, очевидно, сподвигло Ф. Чудакова добиться разрешения (возможно, под поручительство редакции газеты «Эхо» и в составе группы ее сотрудников) на законных основаниях побывать в Сахалине. Увиденное на правом берегу (и отображенное в стихотворении «За границей») не могло не настроить Чудакова на юмористический, иронический лад: по сути, единственной видимой, осязаемой приметой революционного обновления Китая в произведении является новый, пятицветный флаг на доме городского головы. Этот государственный флаг нового, республиканского Китая русские визитеры замечают, как только оказываются на правом берегу: «Пляшут крашенные сходни, словно клавиши рояля под неопытной рукою. / Дом шифу стоит на горке, улыбаясь яркой краской, мелкой вычурной резьбою распахнутых настезь окон. / Пятицветный флаг венчает оцинкованную крышу, и его полощет ветер в синем воздухе, пропахшем редькой, водкой, чесноком»¹.

Специфический букет запахов — не единственное, что сохранилось от имперского Китая. В связи с этим нельзя не обратить внимание на фразу «Дом шифу стоит на горке». В Благовещенске «горкой» принято было называть местную тюрьму, корпуса которой располагались на небольшой возвышенности. В речевой практике благовещенцев начала XX века выражение «на горке» означало «в тюрьме». Читателям газеты «Эхо», где было напечатано произведение «За границей», не составляло труда понять, почему вслед за фиксацией местоположения дома сахалинского шифу персонажи начинают обсуждать вопрос о том, сохранилась ли у китайцев их «горка»: «В Сахалине каталажка существует, несомненно? — молвил Виктор Алексеич, ус перстами теребя...».

Оказалось, в Сахалине от старого мира остались не только «каталажка» и воздух, пропахший «редькой, водкой, чесноком». В первоизданном виде сохранилось и все остальное: «шум, и вонь, и грязь», «лавки, лавочки, лавчонки, “ходи”, дамы и собаки, подгулявшие матросы, насурмленные японки...». Насурмленные японки — «жрицы любви», служительницы «этнических» публичных домов, в изобилии имевшихся и на русском, и на китайском берегах Амура. Об этой особенности устройства жизни по обеим сторонам пограничной реки писали многие современники Ф. Чудакова, в частности, упоминавшийся выше А. Вережников. Незадолго до появления стихотворения «За границей» в одном из своих «амурских» очерков, характеризуя населяющие берега Амура этнические группы, Вережников обращает внимание читателей на то, что основной род «профессиональной» деятельности местных японцев — проституция: «Красными японскими фонарями освещены населенные места и торгово-промышленные пункты Амурского края и Приамурья. Своих соотечественниц они [японцы] вывозят из Японии вагонами, как мерзлую рыбу. Такая отрасль труда и заработка у японцев, по-видимому, не считается позорной» [Вережников, 1911, с. 98]. О японских публичных домах в Сахалине рассказали и авторы знаменитого коллективного романа «Амурские волки» (1912). Так, в главе 84 «Гулянка тюремных сидельцев» члены шайки грабителей, вызволенные с благовещенской «горки» их предводителем, первым делом переправляются в китайский Сахалин, где «такие японские заведения есть... с женским полом» [Амурские волки, 2025, с. 337].

Вопреки ожиданиям автора, Синьхайская революция не оказала облагораживающего воздействия ни на внешний облик китайского мироустройства, ни на поведение основной массы жителей Сахалина, из подданных императора в одночасье превратившихся в свободных граждан новоиспеченной республики: «...все бегут, шумят, смеются, скалят зубы, строят глазки или просто сквернословят на русском диалекте».

Оказавшись среди уличной толпы, русские гости Сахалина вольно или невольно вовлекаются в спонтанно возникающие коммуникативные ситуации, участники которых с обеих сторон используют не только «сквернословие», но и язык жестов, попеременно обмениваясь специфическими невербальными посланиями: «давим ноги первым встречным или нам вбивают в спины добродушные пинки». В формальном отношении на первый взгляд применяется не ассиметричная, не линейная, а более сложная коммуникативная модель — вполне симметричная, двусторонняя, в каком-то смысле «интерактивная». Правда, взаимодействие участников этой коммуникации строится на обмене не словами, а толчками и пинками, что тоже можно признать за обмен «закодированной» информацией, «упакованной» в эти самые толчки. Но по своей сути подобная модель общения не является подлинным взаимодействием, так как не приводит к установлению если и не дружеских, то хотя бы добрых, основанных на взаимном уважении отношений.

¹ Здесь и далее стихотворение Гусяра (Ф. Чудакова) «За границей» цит. по: Эхо. 1912, 16 (29) сент. № 1138. С. 2.

Попытки русских путешественников наладить вербальную коммуникацию с жителями Сахалина тоже заканчиваются плачевно.

Первая неудача ждет их в китайской лавчонке, куда они заходят в надежде удовлетворить элементарные бытовые запросы. Общение с лавочником имеет однонаправленный вектор и не предполагает ответного слова, требует от другого участника «диалога» исключительно действия, точнее — выполнения адресованного ему приказа: «— Ходя! Надо папироса! / — Ходя! Яблока! Ореха! / — Ходя, семячка шанго!» Продавец-китаец понимает ломанный русско-китайский язык и исполняет прихоти покупателей, но желанного удовлетворения им это не приносит. Попытка наладить коммуникацию с ходей оборачивается фиаско: деньги оказались выброшены на ветер, так как персонажи накупили лишь «заграничной разной дряни, только тем и симпатичной, что свободна от акциза и безбожно дешева». Очень скоро гости Сахалина осознали, что набили карманы тем, что им не по вкусу и потому «торопливо оглянулись и забросили покупку через чей-то частокол».

Разочарование ждет русских и в «китайской харчевке», куда они отправляются с намерением получить удовольствие от китайской кухни. Ситуация, однако, повторяется: персонажи используют привычный для них коммуникативный принцип — ассиметричный. В «харчевку» они приходят с готовым, заранее сформированным запросом, озвучить который доверено самому большому в данной компании знатоку азиатской кухни. Фраза «Николай Васильич знает толк и смак в китайской кухне» используется автором дважды: перед заказом и после того, как русские отведали то, что приготовил им ходя. Во второй раз фраза эта, интонационно усиленная восклицательным знаком, звучит предельно саркастически.

Ходя для русских не представляет интереса не только как личность, но даже и как носитель ценной информации о блюдах китайской кухни. Они не вступают с ним в диалог, не обсуждают «азиатское меню», он для них — не полноправный участник коммуникации, а лишь объект воздействия, слуга, исполнитель, которому отдается приказание: «— Ну-ка, ходя, мало-мало ханшин тёпла и трепанга на четыре русска людя».

На свою выраженную в шуточной форме реплику-заказ посетители харчевки получают от ходи «реплику» хоть и не вербальную, но тоже насмешливо-ироничную: «Подает лукавый ходя червяков в каком-то масле... Вот хорошая насадка для любого карася! Червяки еще живые, извиваются колечком, но... не дразнят аппетит!» В итоге русские путешественники и из харчевки уходят несолоно хлебавши. Ассиметричная модель коммуникации и в этой сцене оказалась неэффективной, не позволив персонажам добиться желанного результата. Причина — неумение и нежелание рассматривать сахалинцев в качестве полноценных участников коммуникации, имеющих собственные интересы, индивидуальные и национальные особенности. Но собственной вины в неумении наладить коммуникацию персонажи не видят, списывая все на ходю, которого автор называет «лукавым», то есть хитрым, изворотливым, нечестным.

В следующей сцене, которая разыгрывается в китайском театре, персонажи наконец обращаются к подобию интерактивной, двусторонней модели коммуникации, которая предполагает взаимодействие — диалог с попеременным включением в него участников. Результат применения персонажами такой коммуникативной стратегии превосходит все ожидания, им удается существенно снизить цену входных билетов: «— Дай-ка, ходя, нам билета на четыре русска люди. / Ходя брякнул: “Чтыри рубли”. / Торговались. Хоть осипли, но билеты получили на четыре пятака!» Но оказалось, что и в этом случае деньги, пусть и невеликие, потрачены впустую.

Автобиографический герой и его попутчики, решившие посетить театр, оказались не способны понять и принять язык театрального искусства Китая. То, что они видят и то, что слышат со сцены, повергает их в состояние шока: «Ражий “ходя” жарит в бубен, два других колотят в доски, трое — лупят в барабаны, а седьмой весьма прилежно портит новый чугунок. / А на сцене! О, на сцене! Визг кошачий, лай собачий и верблужий рев унылый, и петушьё “куреку”». Пища эстетическая, художественная, как прежде в харчевке пища обычная, тоже оказалась неудобоваримой: «В этот день давали драму, героическую драму, но китайские герои нам пришлись не по нутру». Русские гости Сахалина не предприняли никаких усилий, чтобы понять язык национального китайского театра. Диалог опять не состоялся, коммуникация была прервана, не успев толком начаться. Русские посетители почти сразу же после начала спектакля «вышли, уши зажимая...». Более того, автор вообще отказывает китайскому театру в праве именоваться искусством. Эта

мысль просвечивает в его шутовском обращении к покровительнице театрального искусства, одной из девяти древнегреческих муз (а сквозь нее — к читателям газеты «Эхо»): «О, богиня Мельпомена! О, великая богиня! Если будешь на Амуре, не ходи ты в Сахалян!».

Сама стилистическая конструкция — настойчивый призыв автора не ходить в Сахалян, в незнакомое, непонятное для русских, а потому потенциально опасное место, спустя 13 лет, в 1925-м, найдет классическое воплощение в знаменитом стихотворении К. Чуковского «Бармалей», которое начинается со строк: «Маленькие дети! / Ни за что на свете / Не ходите в Африку, / В Африку гулять! / В Африке акулы, / В Африке гориллы, / В Африке большие / Злые крокодилы / Будут вас кусать, / Бить и обижать, — / Не ходите, дети, / В Африку гулять. // В Африке разбойник, / В Африке злодей, / В Африке ужасный / Бар-ма-лей!» [Чуковский, 2013, с. 50]. Но если в финале сказки Чуковского персонажи вырабатывают приемлемую для всех отчасти интерактивную, отчасти транзакционную коммуникативную модель и в результате находят общий язык, приходят к полному взаимопониманию, меняются сами, в том числе прежде ужасный Бармалей, и изменяют к лучшему мир вокруг себя, то у Ф. Чудакова в стихотворении «За границей» все остается без изменений.

Провалом заканчивается и последняя, весьма робкая попытка русских посредством внешне похожей на интерактивную модели коммуникативной связи добиться понимания у кассира и вернуть потраченные на билеты пятаки. Увы, даже симметричный обмен репликами не привел их к желаемому результату: «...спросили у кассира, подлежат ли наши деньги возвращенью? — Молвил: “Нет”. / — Пу-шанго театра ваша! — не стерпел Иван Михалыч. / А кассир зевнул, как мамонт, и сказал: “Моя не знай!”». «Моя не знай!», «моя твоя не понимай!» — едва ли не самые распространенные и наиболее известные выражения русско-китайского пиджина рубежа XIX–XX веков, на котором общались в Приамурье русские и китайцы.

Выводы

Вопреки существующим в Российской империи правилам, Ф. Чудаков, с 1909 по 1917 год находившийся под гласным надзором полиции за побег из ссылки, в начале 1910-х посещал Китай, что является важным фактом его биографии.

Ключевой проблемой произведений, рассказывающих о посещении правого берега Амура, в том числе китайского Сахаляна, становится исследование причин безуспешности попыток установления полноценного диалога между русскими и китайцами. Выявленные автором причины, мешающие найти общий язык, имеют не столько лингвистическую, сколько ментальную, коммуникативную, культурологическую и социальную природу. Из всех основных типов коммуникации русские и китайцы — персонажи произведений Ф. Чудакова, в межэтническом диалоге используют преимущественно самую элементарную, линейную модель, суть которой — асимметричный, одновекторный информационный поток, направленный от одного участника коммуникации к другому, являющемуся лишь объектом воздействия. Другие, более сложные, основанные на сотворчестве, на равноправном взаимодействии участников диалога и тем более на совместном, согласованном воздействии на окружающий мир модели коммуникации (интерактивная и транзакционная), остаются не востребованными.

Следующий важный вывод состоит в том, что уже в 1911–1912 годах, то есть в начальный период творчества, Ф. Чудаков на примере соседнего Китая получил возможность понять, что грандиозные социальные катаклизмы не приводят к существенным переменам в образе жизни обычных людей, что революционные потрясения, даже разлом государственного устройства, смена общественно-политической формации — все это очень слабо влияет на сознание и поведение основной массы народа, на уклад национального быта и бытия. Революция, как показал автор стихотворения «За границей», способна поколебать лишь «декорации», повлиять на «антураж», но не в силах сменить господствующий в обществе самый примитивный тип коммуникации на другие, более сложные, основанные на уважительном, равноправном диалоге.

Произошедшие через пять лет Февральская и Октябрьская революции в России еще в большей степени убедили Ф. Чудакова в этом и привели его к серьезному мировоззренческому кризису. Наивысшее воплощение этот кризис нашел в пьесе «Изгнанники» (1918), а также в лирике и сатире последних двух месяцев жизни поэта — в произведениях, публиковавшихся в редактируемых им периодических изданиях — журнале «Дятел, беспартийный» и газете «Народное дело».

Список источников

1. Амурские волки. Коллективный роман из жизни Приамурья. Из золотого фонда литературы Приамурья. Кн. 5 / подгот. текста, вступ. ст., примеч. А. В. Урманова. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2025. — 408 с.
2. Благовещенский розыскной пункт. Карточки разыскиваемых: II. Ф. Чудаков // Государственный архив Амурской области. — Ф. Р-748. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 3–3 об.
3. Вережников А. В Амурском крае. Очерк // Современный мир. — 1909. — № 7. — С. 109–130.
4. Вережников А. В золотых россыпях. Очерк // Современник. — 1911. — Кн. 6. — С. 93–102.
5. Гавра Д. П. Основы теории коммуникации : учеб. пособие. — Ч. 1. — СПб. : Роза мира, 2005. — 173 с.
6. Голубков М. М. Возвращение Амурца // Профессорский журнал. Сер. «Русский язык и литература». — 2025. — № 1 (21). — С. 15–20. — DOI: 10.18572/2687-0339-2025-1-15-20.
7. Гуслияр. За границей // Эхо. — 1912, 16 (29) сент. — № 1138. — С. 2.
8. Долженков В. Н. Характеристика актуальной транзакционной модели коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 3 (57) : в 2 ч. — Ч. 1. — С. 120–123.
9. Лаптева Н. А. Книга «Амурские лирики рубежа XIX–XX веков (из золотого фонда литературы Приамурья)» в работе современного учителя-словесника // Лосевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф. — 2024. — № 1 (17). — С. 130–137.
10. Лаптева Н. А. Художественный синтез эпического и драматического в очерке Ф. И. Чудакова «Навстречу тучам» // Филология: научные исследования. — 2022. — № 3. — С. 1–11. — DOI: 10.7256/2454-0749.2022.3.37625.
11. Лю Ин. Приемы театрализации в фельетонах Ф. Чудакова о Синьхайской революции // Лосевские чтения : материалы XI регион. науч.-практ. конф. — Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. — С. 96–100.
12. Лю Ин. Стихотворная сатира Ф. И. Чудакова : проблематика и поэтика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Благовещенск, 2023. — 25 с.
13. Урманов А. В. «Арестант» и арестанты «на горке»: история первого пребывания Фёдора Чудакова в Благовещенской тюрьме, рассказанная им самим и удостоверенная жандармским ротмистром Перковым // Лосевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф. — 2023. — № 1 (16). — С. 4–32.
14. Чжай Ли. Функция образов маньчжуров (китайцев) в пейзажной лирике Л. П. Волкова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2024. — № 3 (84). — С. 109–118. — DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.013.
15. Чудаков Ф. И. Избр. : Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века : в 2 т. — Т. 1 : Накипь дня : Сатира. Легенды и сказки. Лирика / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. — М. : Викмо-М : Русский путь, 2019а. — 800 с.
16. Чудаков Ф. И. Избр. : Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века : в 2 т. — Т. 2 : Убитая песня : Проза. Драматургия. Отклики на смерть Ф. И. Чудакова. Воспоминания / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. — М. : Викмо-М : Русский путь, 2019б. — 592 с.
17. Чудаков Ф. Навстречу весне. Путевые очерки // Народное дело. — 1917. — № 29. — С. 3 ; № 30. — С. 3 ; № 32. — С. 3 ; № 55. — С. 2.
18. Чуковский К. И. Собр. соч. : в 15 т. — Т. 1 : Произведения для детей / сост., коммент. Е. Чуковской. — 2-е изд., испр. — М. : Агентство ФТМ, Лтд., 2013. — 598 с.
19. Эс-эр. «Арестант». Из воспоминаний // Дятел, беспартийный. — 1918. — № 4. — С. 4–6 ; № 7. — С. 3–4.
20. Dean C. Barnlund. “A Transactional Model of Communication” in Foundations of Communication Theory / Kenneth K., Sereno C., David Mortensen (eds.). — N. Y. : Harper and Row, 1970. — Pp. 83–92.

References

1. *Amurskiye volki. Kollektivnyy roman iz zhizni Priamurya. Iz zolotogo fonda literatury Priamurya. Kn. 5. Podgot. teksta, vstup. st., primech. A. V. Urmanova.* [Wolves of Amur. A Collective Novel from the Life of the Amur Region. From the Golden Fund of Amur region Literature. Book 5. Text prepared, introduction, notes by A. V. Urmanov]. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2025, 408 p. (In Russian).
2. Blagoveshchensk Investigation Department. Files of Wanted Persons: II. F. Chudakov. *Gosudarstvennyy arkhiv Amurskoy oblasti. F. R-748. Op. 1. D. 2. L. 3–3 ob.* [State Archives of Amur Region, F. R-748, Op. 1, D. 2, L. 3–3 rev.]. (In Russian).
3. Verezhnikov A. In the Amur Region. Essay. *Sovremennyy Mir*. [Modern World]. 1909, iss. 7, pp. 109–130.
4. Verezhnikov A. In Gold Fields. Essay. *Sovremennik*. [Contemporary]. 1911, vol. 6, pp. 93–102. (In Russian).
5. Gavra D. P. *Osnovy teorii kommunikatsii: ucheb. posobiye. Ch. 1.* [Fundamentals of Communication Theory: A study guide. Pt. 1]. St. Petersburg, Roza Mira, 2005, 173 pp. (In Russian).
6. Golubkov M. M. The Return of the Amur Man. *Professorskiy zhurnal. Seriya Russkiy yazyk i literatura*. [Professor’s Journal. Series: Russian Language and Literature]. 2025, iss. 1 (21), pp. 15–20. DOI: 10.18572/2687-0339-2025-1-15-20. (In Russian).

7. Guslyar. Abroad. *Ekho*. [Echo]. 1912, September 16 (29), iss. 1138, p. 2. (In Russian).
8. Dolzhenkov V. N. Characteristics of the current transactional model of communication. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues]. Tambov, Gramota, 2016, iss. 3 (57): in 2 parts, pt. 1, pp. 120–123. (In Russian).
9. Lapteva N. A. The book “Amur lyricists of the turn of the 19th–20th centuries (from the golden fund of Amur Region literature)” in the Work of a Modern Literature Teacher. *Losevskiy chteniya: materialy region. nauch.-prakt. konf.* [Losev Readings: Proceedings of Regional Scientific and Practical Conference]. 2024, iss. 1 (17), pp. 130–137. (In Russian).
10. Lapteva N. A. Artistic synthesis of the epic and the dramatic in F. I. Chudakov’s essay “Towards the Clouds”. *Filologiya: nauchnyye issledovaniya*. [Philology: Scientific Research]. 2022, iss. 3, pp. 1–11. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.3.37625. (In Russian).
11. Liu Ying. Theatricalization techniques in F. Chudakov’s feuilletons about the Xinhai Revolution. *Losevskiy chteniya: materialy region. nauch.-prakt. konf.* [Losev Readings: Proceedings of the XI Regional Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk, BSPU Publ., 2018, pp. 96–100. (In Russian).
12. Liu Ying. F. I. *Stikhotvornaya satira F. I. Chudakova: problematika i poetika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [Chudakov’s Poetic Satire: Problematics and Poetics: Abstract of dissertation ... of Candidate of Philology]. Blagoveshchensk, 2023, 25 p. (In Russian).
13. Urmanov A. V. “The Prisoner” and the prisoners “on the hill”: Fyodor Chudakov’s first stay in the Blagoveshchensk Prison, told by himself and attested by Gendarme Captain Perkov. *Losevskiy chteniya: materialy region. nauch.-prakt. konf.* [Losev Readings: Proceedings of Regional Scientific and Practical Conference]. 2023, iss. 1 (16), pp. 4–32. (In Russian).
14. Zhai Li. The Function of Manchu (Chinese) images in L. P. Volkov’s landscape lyrics. // Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 2024, iss. 3 (84), pp. 109–118, DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.013. (In Russian).
15. Chudakov F. I. *Izbr.: Iz tvorcheskogo naslediya vydayushchegosya satirika nachala XX veka: v 2 t. T. 1: Nakip dnya: Satira. Legendy i skazki. Lirika. Sost., podgot. teksta, vstup. st., komment. A. V. Urmanova*. Selected Works. From the legacy of the outstanding satirist of early 20th century: in 2 volumes. Vol. 1: Scum of the Day: Satire. Legends and Tales. Lyrics. Comp., text prep., introduction, commentary by A. V. Urmanov]. Moscow, Vikmo-M, Russkiy Put, 2019a, 800 p. (In Russian).
16. Chudakov F. I. *Izbr.: Iz tvorcheskogo naslediya vydayushchegosya satirika nachala XX veka: v 2 t. T. 2: Ubitaya pesnya: Proza. Dramaturgiya. Otkliki na smert F. I. Chudakova. Vospominaniya. Sost., podgot. teksta, vstup. st., komment. A. V. Urmanova*. [Selected Works: From the legacy of the outstanding satirist of early 20th century: in 2 volumes. Vol. 2: Murdered song: Prose. Drama. Responses to F. I. Chudakov’s death. Memories. Comp., text prep., introduction, commentary by A. V. Urmanov]. Moscow, Vikmo-M, Russkiy Put, 2019b, 592 p. (In Russian).
17. Chudakov F. I. Towards Spring. Travel Essays. *Narodnoe Delo*. [Nation’s Action]. 1917, iss. 29, p. 3; iss. 30, p. 3; iss. 32, p. 3; iss. 55, p. 2. (In Russian).
18. Chukovsky K. I. *Sobr. soch.: v 15 t. T. 1: Proizvedeniya dlya detey. Sost., komment. Ye. Chukovskoy*. [Collected Works: in 15 vols. Vol. 1: Works for Children. Comp. and comm. by E. Chukovskaya]. Moscow, FTM Agency Ltd., 2013, 598 p. (In Russian).
19. SR (Socialist Revolutionary). The Prisoner. From Memoirs. *Dyatel, bespartinyuy*. [Woodpecker, Non-Affiliated]. 1918, iss. 4, pp. 4–6; iss. 7, pp. 3–4. (In Russian).
20. Dean C. Barnlund. A Transactional Model of Communication. *Foundations of Communication Theory by Kenneth K., Sereno C., David Mortensen (eds.)*. N. Y., Harper and Row, 1970, pp. 83–92. (In Russian).

Информация об авторе

Урманов Александр Васильевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Благовещенского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов: история русской литературы, поэтика А. Солженицына, литературная регионалистика, литература Приамурья, творчество Ф. И. Чудакова.

Information about the author

Urmanov Alexander Vasilyevich — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature at Blagoveshchensk State Pedagogical University. Research interests: history of Russian literature, poetics of A. Solzhenitsyn, literary regional studies, literature of the Amur region, works of F. I. Chudakov.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; принята к публикации 06.10.2025.
The article was submitted 04.06.2025; accepted for publication 06.10.2025.